

ГОДЫ берут свое. Решил на днях Федор Андреевич прогуляться по городу. Одевался бодро спустился со второго этажа, вышел во двор, а затем на улицу. Квартала полтора одолел не то чтоб гвардейским шагом, но все-таки сносно. Потом почувствовал, как ноги стали наливать свинцовой тяжестью.

—Домой я уже по-черепашьи двигался, — рассказывает Дюрягин. — Отдышался и думаю: «Неужели это я еще два

привыкал, а тонкости ремесла постигал своим умом.

Целых семь лет проходил Федор в учениках столяра. Может, и еще держал бы его в черном теле хозяин, да забрили парня в солдаты — защищать «веру, царя и отечество». Новобранцев погрузили в теплушки и — айда-пошел! — через всю Россию на Австрийский фронт.

Шлиссельбургский полк, куда попал Федор Дюрягин, стал для него следующим классом

А. БАНОВ

ПАРТИИ РЯДОВОЙ

ОЧЕРК

года назад с ружьишком да фотоаппаратом по тайге бегал? Видно, укатили Сивку крутые горки...».

Чего-чего, а крутых горок на долю Федора Андреевича выпало более чем достаточно. Услужливая память хранит в своих недрах события большие и малые, свидетелем и участником которых он был. Иногда, словно на экране, встают перед мысленным взором картины далеких лет, давно ставшие историей.

Дюрягины — коренные уральцы, кушвинцы. Там, в Кушве, за семь лет до первой русской революции в семье рабочего человека Андрея Дюрягина появился второй сын, Федор.

Мужик стало быть

жизненной школы. Здесь он впервые узнал, почем фунт солдатского лиха. В окопах встретил известие о свержении царя, а чуть позднее — о падении Временного правительства.

—Конец войне, пора по домам! — кричал Федор вместе со всеми на бурливых солдатских митингах.

И невдомек ему было, что молодую Республику Советов одним декретом создать нельзя, что у рабоче-крестьянской власти полным-полно врагов — явных и тайных, внутренних и внешних, от которых ее надо защищать. Чтобы понять все это и запомнить крепко-накрепко, суждено было солдату Дюрягину окончить еще не один класс жизненной шко-

же братьев — рабочих и крестьян, при первом удобном случае переходили на сторону красных, бежали в леса к партизанам.

Этот единственно верный путь выбрал для себя и Федор Дюрягин. Вскоре он стал бойцом продотряда 51-й дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

—У вас, товарищи, задание особой важности, — напутствовал комиссар продотрядцев перед очередным рейдом. — На фронтах мы врагов бьем в хвост и гриву, это факт. Вот они и надумали взять нашу республику измором. Прячут богатеи хлеб, не желают продавать голодающим рабочим

хлеб, нападали на обозы в открытую, стреляли из-за угла. И все-таки, выполняя задание Ленина, они привозили хлеб!

Однажды Дюрягина вызвали в штаб.

—Из рабочих, значит, уралец? — переспросил командир, оглядывая невысокую плотную фигуру бойца. — А что у вас там поделявают?

—Руду добывали, металл варили, — ответил Федор. — А я столяр-краснодеревщик, работал модельщиком.

—Важная работа, — уважительно заметил сидящий рядом комиссар, сам бывший формовщик из Екатеринбурга. — По всем статьям выходит, что для вас. Федор Андреевич сейчас

беду на мирном фронте. Об этом сообщили в Москву — правительству, лично Владимиру Ильичу Ленину..

Новый, 1924 год заявил о себе небывалыми холодами. Собираясь на смену, Федор натуго стягивал ремнем выдавшую виды шинельку, поглубже нахлобучивал шапку. Пока добегал до цеха, несколько раз оттирал нос и щеки.

В один из таких дней услышал Дюрягин тревожное известие: тяжело болен Владимир Ильич Ленин.

Много смертей на своем коротком веку довелось видеть Федору Дюрягину, не раз и сам бывал на волосок от гибели. Он и сейчас не задумываясь отдал бы свою молодую жизнь, если бы это помогло Ильичу одолеть недуг, вернуться в свой рабочий кабинет.

Если бы помогло... Но чудес не бывает. Надрывно ревут заводские и паровозные гудки, стоит на заводском дворе тысячная толпа, обнажив головы, и стынут на щеках горькие слезы. В сознании не укладываются два роковых слова:

— Умер Ленин...

Вся страна провожала в последний путь дорогого Ильича. Вся страна мысленно повторяла слова священной клятвы, которую давали партия и народ своему вождю и учителю.

Когда падает на поле боя боец, его место занимает другой. А кто заменит в рядах партии Ильича?

—Мы! — заявили металлурги и горняки, ткачи и токари — весь рабочий класс.

—Мы! — сказали деревенские бедняки и батраки.

— мужик, стало быть, — удовлетворенно проговорил отец. — Кормилец под старость будет.

На мужиков Андрею Дюрягину везло. Едва Федюнька встал на ноги, родился третий сын, со временем — еще один. И все просили есть-пить. А с этим-то как раз в доме и была неувязка.

Лелеяли родители мечту дать своим мужикам образование, вывести их в люди. Федюньку даже определили в приходскую школу. Пробегал он туда три зимы, потом отец и говорит:

— Видно, не судьба, сынок, быть тебе грамотеем. Бери-ка ремесло в руки.

Двенадцать годков стукнуло Федору, когда отдали его в учение владельцу местной столярной мастерской. Тогдашнее учение — это вам не теперешнее профтехучилище. Первые годы только и слышал: «Подай!», «Принеси!», «Прибери!». Чуть что не так, — затрещина, а то и настоящая выволочка. К инструменту да верстаку тайком

не один класс жизненной школы.

В родную Кушву Федор вернулся в восемнадцатом. Прослышал: на Гороблагодатском руднике нуждаются в столярах. С большой охотой взялся за инструмент.

Да не пришло время для мирного труда. По таежным уральским дорогам двигалась на Москву армия Колчака. Словно спрут, раскинула она свои щупальца по самым потаенным местам, вылавливая и втягивая в себя всех, кто мог держать оружие.

Попал в эти сети и Федор Дюрягин. Куда денешься — подчинился силе. Из мобилизованных в Кушве колчаковцы сколотили маршевую роту и направили ее под усиленным конвоем в Камышлов, а потом в Ирбит. Там земляков разделили на мелкие группы и растолкали по разным частям.

Не надеялся белый адмирал на верноподданнические чувства рабочих-уральцев. Самые лютые репрессии не могли удержать трудовой люд в рядах его воинства. Солдаты отказывались стрелять в своих

давать голодающим рабочим, снабжать нашу армию.

— Заставим раскошелиться! — гневно крикнул Федор. — Да и в деревне не все мироеды.

— Верно. Те, кто с нами, последней крапюхой добровольно поделаются. Да и у богатеев помогут найти излишки. Поговорить надо с народом, разъяснить обстановку.

Служба в продотряде стала для Федора наглядным уроком классовой борьбы, который способствовал быстрому росту его политического сознания. Рядом с ним каждый день были большевики-ленинцы — убежденные, нестигаемые, кристально чистые. Из тех, кто готовил и проводил на местах Октябрьское вооруженное восстание, кто первым с оружием в руках встал на защиту Советской власти, кто, как и он, добывал сейчас для голодающего народа хлеб.

За драгоценные мешки с зерном нередко приходилось расплачиваться кровью и молодыми жизнями — кулацкие и офицерские банды встречали продотряды свинцовой мете-

вас, Федор Андреевич, сейчас главный фронт — трудовой. Вот и поезжайте домой, воевать с разрухой. Ленин говорит, что пора переводить страну на рельсы мирной жизни.

Сдал Федор оружие, попрощался с товарищами. Дома, без долгих размышлений, устроился модельщиком на металлургический завод. И потекли побежали один за другим дни и месяцы, не менее беспокойные, чем на фронте. Жили впроголодь, работали без оглядки на часы. После смены шли на субботники, чтобы хоть как-то подлатать многочисленные прорехи в большом заводском хозяйстве.

Рабочий коллектив горел желанием дать поскорее и побольше литья для косилок, жаток, молотилок и других крестьянских машин, чугуна. Крайне был нужен сталеплавильным и металлообрабатывающим заводам. И они добились своего. Ожил, возродился Кушвинский металлургический! Большая трудовая семья, равноправным членом которой стал Федор Андреевич Дюрягин, одержала первую по-

ские бедняки и батраки.

В дни всенародного траура заявление о приеме в партию написал и простой модельщик Федор Андреевич Дюрягин. В январе 1924 года Кушвинский райком партии принял его кандидатом, а в ноябре — членом Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков).

Под Красным знаменем созданной Ильичем партии прошагал ее рядовой боец Федор Дюрягин более полувека. И все эти годы был на переднем крае. Участвовал в индустриализации, создавал в деревне колхозы и совхозы, учил других и учился сам. В военное лихолетье дрался с фашистами, в мае сорок пятого был ранен. А потом вернулся на Красноуральский медеплавильный комбинат, откуда ушел на фронт, и проработал здесь до выхода на пенсию.

...Годы берут свое. Не может, как прежде, Федор Андреевич совершать длительные прогулки по городу, из-за этого поубавилось его участие в общественной жизни. Что ж, коммунист Ленинского призыва заслужил право на отдых.